

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ, ЭКОНОМИКА, ПРАВО (Часть 2)

П.А. Ореховский¹, В.И. Разумов², А.А. Сапунков²

¹ *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

7 июня 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2025 г.

Ключевые слова

Детерминизм, устойчивость, императив, нарратив, неправовой закон, кризис государства, миф, социальное конструирование

В первой части авторского исследования было установлено: общественные законы – это важные инструменты конструирования социальной реальности. С конца XX в. скорость изменений общества растет. Это сказывается на трансформациях общественных законов. Здесь рассматриваются связи закона с понятиями права, нормы, реализма, образования, мифа. Демонстрируется роль в истории образования прогрессивных и тормозящих развитие законов. Показана глубокая связь законодательной деятельности и мифотворчества с учетом его отношений с нарративом, дискурсом и, в целом, с нарциссическим поворотом современной культуры. Продуктивно смещение акцента обсуждения с законов научных дисциплин к правилам коммуникации ученых в этих дисциплинах. Именно гуманитарии и обществоведы оказывают решающее влияние на процесс легитимации новых законов, вне зависимости от личных мотивов деятельности. Представления о законах общества в аспектах философии и экономики дополняются историко-культурным подходом, в русле которого рассматриваются миф и мифотворчество. Рассмотрен эффект взаимного влияния законодательной деятельности и образования, когда они способны ускорять, замедлять, игнорировать развитие друг друга.

Раздел 1 подготовлен В.И. Разумовым, разделы 2–4 – А.А. Сапунковым, раздел 5 – В.И. Разумовым, А.А. Сапунковым и П. А. Ореховским совместно. В остальном авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

THE CONCEPT OF LAW IN THE SOCIAL SCIENCES AND THE CONSTRUCTION OF REALITY: PHILOSOPHY, ECONOMICS, LAW (Part 2)

Pyotr A. Orekhovsky¹, Vladimir I. Razumov², Andrey A. Sapunkov²

¹ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2024 June 7

Accepted –

2025 June 20

Available online –

2025 September 20

Keywords

Determinism, stability, imperative, narrative, non-legal law, crisis of the state, myth, social construction

Introduction. The foundation of this approach lies in the concept of distinct functions of laws. From this perspective, the principal role of social laws is their involvement in shaping social reality. Considering the swift and large-scale transformations in culture and civilization, it becomes crucial to examine the speed and depth with which legislative activity adapts to these shifts.

Purpose. This article aims to point out a paradoxical situation. In the interconnected system of education, law, and governance, all these components exert, at minimum, mutually constraining effects. Overcoming this predicament might necessitate a fundamental rethinking of laws in their societal context.

Methodology. The dialectical approach posits that any object under investigation should not be studied in isolation, but rather, at minimum, in conjunction with at least one other object. Similarly, in the realm of knowledge, the fundamental unit of knowledge is the categorical opposition. Consistent with this principle, law will be examined alongside concepts such as: 'justice', norm, realism, education, and myth. Special discussion will be dedicated to the paradox of an unjust law.

Results. Part I of this article established that social laws serve as vital tools for shaping social reality. The accelerating rate of societal change since the late 20th century significantly influences the evolution of social laws. This study explores the relationships between law and the notions of justice, norm, realism, education, and myth. It illustrates the historical impact of both progressive and regressive laws on educational development. A deep

connection is shown between legislative activity and myth-making, taking into account its ties to narrative, discourse, and the broader narcissistic shift in contemporary culture. The article suggests a productive reorientation of the discussion from the inherent laws of scientific disciplines to the communication rules governing scientists within those fields. Humanists and social scientists, regardless of their personal motives, play a crucial role in legitimizing new laws. Philosophical and economic perspectives on social laws are here augmented by a historical-cultural approach, through which myth and myth-making are analyzed. The paper also addresses the mutual influence of legislative activity and education, demonstrating how they can either accelerate, impede, or ignore each other's progress.

Conclusion. A multidisciplinary approach to understanding law necessitates recourse to historical and cultural events, prompting an exploration of our subject from at least three standpoints: legal, philosophical, and economic. The study confirmed the constructive affinity between the notions of myth and narrative, and social reform and myth-making. Moreover, an additional aspect in grasping the essence of social laws is their contribution to the optimization of resource production, distribution, and utilization within society, which is invariably accompanied by diverse communicative practices.

Authors' contributions. Section 1 prepared by V.I. Razumov; sections 2-4 prepared by A.A. Sapunkov; section 5 prepared by V.I. Razumov, A.A. Sapunkov, P.A. Orekhovsky jointly. In all other respects, authors made equivalent contributions to the publication.

1. Введение

В первой части исследования авторы сосредоточились преимущественно на теоретических аспектах понимания закона [1]. Переходя к общественным законам и осознавая их критику представителями фундаментальных наук, а также самими социальными учеными за ярко выраженный субъективизм, был предложен подход к общественным законам, в основу которого была положена идея о разных функциях законов. В этом контексте основной функцией общественных законов является участие в конструировании социальной реальности [2–4]. С учетом быстрых, масштабных изменений в культуре и цивилизации возникает вопрос, насколько скоро и глубоко реагирует на указанные перемены законодательная деятельность.

Диалектический подход предусматривает, что всякий исследуемый объект не должен изучаться изолированно, а, как минимум, вместе с еще одним объектом; аналогично и в знаниях, где единицей выступает категориальная оппозиция. В согласии со сказанным закон будем рассматривать вместе с такими понятиями, как право, норма, реализм, образование, миф. Специально обсуждается парадокс неправового закона, указывающий на то, что в истории распространены ситуации, когда, к примеру, при низком уровне законности имеется достаточно развитое законодательство, как это было в период упадка Римской империи. Отмечена взаимозависимость нормативно-правового сопровождения образования и качества правовой культуры управления.

Рассматривается вопрос об особенностях реформ образования в Российской империи и в СССР в русле представлений о правовом реализме. Особое внимание уделяется мифу в его интерпретации А.Ф. Loseвым. Обращение к мифу открывает возможности для учета внерациональных компонентов, влияющих на право.

Уместно отметить парадоксальное обстоятельство. В системе: образование, право, управление – все перечисленные компоненты оказывают друг на друга, как минимум, сдерживающие воздействия. Возможно, для выхода из сложившейся ситуации требуется переосмысление законов в их связи с обществом.

2. Парадокс «неправового закона»

В юридической науке понятие закона антропоцентрично. Ни в одной из сфер деятельности это понятие не используется столь широко и многозначно, как в праве. Классик недавней советско-российской юридической мысли С.С. Алексеев на рубеже XX и XXI вв. писал: «восприятие... передовых юридических и иных новаций... во многом остается в области внешних форм... в основном проскальзывают по поверхности социально-экономической и политической жизни, не оправдывают надежд на основательные преобразования. Реальная жизнь, в сущности, продолжает идти по своим "византийским законам"... проблемы и кружат вокруг власти и... в сфере власти» [5, с. 191].

Однако одним из базовых предметов в образовании юриста является «История государства и

права», которая вольно или невольно всё время указывает на проблему двойственности ее предмета, выраженную в том, что изменения государства и права *не синхронны*. Расцвет государственности не обязательно сопровождается великим законодательством, а величайшие памятники права зачастую рождаются на «закате империй» и остаются не востребованы современниками, но будут оценены идейными наследниками, не обязательно – прямыми потомками.

В свою очередь, нетождественность права и закона в XX в. выражена сторонником либертарного подхода В.С. Нерсисянцем в концепции «неправового закона». Сам он определял ситуацию следующим образом: «можно резюмировать... предметом философии права является право в его различении и соотношении с законом... При этом история права призвана показать, что право складывается исторически, а не создается законодателем (...данная идея была воспринята и развита К.Ф. Савиньи, Г. Пухтой и другими представителями исторической школы права)» [6, с. 11–12]¹.

Таким образом, «законы права» – это некое априорное системообразующее знание о природе социального, некая внутренне непротиворечивая теория, неразрывно связанная конкретным историко-цивилизационным континуумом и не сводимая только к законам юридическим (позитивному праву).

Отрицанием такого виденья является «популярный в наше время подход [.. который] связан с попытками вывести понятие права как таковое за скобки, а всю правовую проблематику свести к деталям, частным аргументам, словам и разговору о них, предполагая, что каждый из этих оттенков может быть конечной и достаточной целью или формой правопонимания, бесконечным количеством правовых феноменов. Правопонимание в этом смысле объявляется каким-то устаревшим, так как, если понятие права не актуально, то достаточно ограничиться различного рода гносеологическим импрессионизмом (правовая ситуативность, чистый социологизм в праве, правовое впечатление, не связанное с каким-то смыслом, право как факт или текст) или, еще более популярно, экспрессионизмом (описание личного психоэмоционального состояния говорящего о праве, чистый психологизм в праве и т. п.), либо еще лучше комбинации обоих вместе» [9, с. 16].

Кризис социальности – это неизбежно и кризис права, выражающийся в утрате духовно-нравственных ориентиров (определенного типа этики), и подмена их дискретной пестротой миропонимания, когда якобы можно обойтись мелочно-бытовым уровнем восприятия при полном игнорировании сколько-нибудь системного мировоззрения. Непосредственно в системе законотворчества это ведет к чрезвычайной неустойчивости, волатильности законодательства. Это «чехарда законов», которая провоцирует коррупцию, кормит адвокатов, но абсолютно не выражает потребностей общества. Поэтому современная постнеклассическая правовая реальность представляется не инновационным историко-цивилизационным континуумом, а наоборот, разрывом ткани социального мироздания. Не новой эпохой, а безвременьем переходного периода, крушением сложившегося и надеждой на грядущий синтез [10].

3. Правовой реализм

Проблема понимания закона носит выраженный общий политико-правовой характер, и она не может быть решена частными новациями типа перехода с системы бакалавриата на специалитет. Традиционные ценности – это не восхваление советской системы образования, которая была далеко не во всем успешна, это формирование соответствующего правового режима, предполагавшего достойное вознаграждение за труд, доступности права на карьеру, социальных благ и привилегий, профессионального социального престижа. Именно так этот режим понимался гражданами СССР до тех пор, пока в 1980-х гг. не возобладало понимание того, что советские законы не являются «правовыми». Произошла мгновенная по историческим меркам делигитимация государства: всё оно стало «неправовым».

Среди правоведов постепенно происходит сдвиг в сторону концепции «правового реализма» Оливера Холмса, где упор делается на то, что право – это прежде всего *предсказуемость взаимодействия человека и власти*, в том числе и предсказуемость *судебных* решений [11]. Такая интерпретация позволяет избежать парадокса «неправовых законов»: возможно, те или иные нормативные акты не обеспечивают наилучшую социально-экономическую практику, но они, уже в силу длительности своего действия и предсказуемости результата, стано-

¹ В цитате речь идет о немецких правоведах XIX в. – К.Ф. Савиньи [7] и Г. Пухте [8], оказавших огромное влияние на становление школы права в Российской империи.

вятся не только легальными, но и *легитимными*. Это ведет к банальности, сформулированной И. Кантом: «если я мыслю себе категорический императив, то я тотчас же знаю, что он в себе содержит. В самом деле, так как императив кроме закона содержит в себе только необходимость максимы – быть согласным с этим законом, закон же не содержит в себе никакого условия, которым он был бы ограничен...» [12, с. 260]. Попросту – категорический императив требует от человека быть нравственным, и если это условие соблюдается, то и юридические законы будут совпадать с нравственными. Остается только добавить, что в социальном прогрессе – предпринимательстве, изобретательстве, появлении новых социальных конструктов – участвуют как нравственные, так и безнравственные индивиды. Тем самым всегда будут сохраняться сферы, где действуют «неправовые законы», существование которых будет подрывать легитимность государственного устройства. И быстрота социальных изменений XXI в. потребует от политиков выработки стратегии по сокращению этого феномена. В противном случае кризис самого института государства, о котором уже давно говорят философы, юристы и военные [13–15], может привести к самым печальным последствиям.

Призывы к правовому реализму – это не только достижение современной американской юриспруденции. В этой связи уместно обратиться к высказыванию русского философа конца XIX в. В.С. Соловьева: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад... Разумеется в исторической действительности равновесие... является подвижным и колеблющимся, слагающимся из множества частных нарушений и восстановлений» [16, с. 413]. В данном случае ад понимается как безответственность, произвол, не влекущий негативных последствий для лица, его творящего, что, как правило, связано с правовыми нигилизмом или инфантилизмом, т. е. вопрос не только об ответственности и воздаянии за конкретное правонарушение, но о правовых началах в организации общества в целом.

4. Правовой реализм и российское образование

Касательно власти на постсоветском пространстве необходимо отметить изменения ее носителя в форме базовой управленческой образованности. Здесь мы обнаруживаем последовательную смену

трех концептов: советская модель – историческое образование, постперестроечный период – юридическое образование, 2000-е – менеджмент, отнесенный в российской образовательной традиции к блоку экономических дисциплин. Таким образом, прослеживается смена управленческой идеологии: от руководителя с максимально широким кругозором, обязательно включавшим и большой объем философии, и марксистскую политэкономия, – к управленцу, отслеживающему финансовые потоки, но зачастую не компетентному в сфере деятельности, которой берется руководить. Здесь уместно упомянуть мысль, озвученную экономистом М. Хазиным: «Кандидаты в президенты США такие пожилые потому, что они сформировались до того, как монополия финансистов в американском образовании стала тотальной (то есть до 1974 года). Всё более молодые выглядят с этой точки зрения как китайские болванчики»². Современное российское образование копирует уже обанкротившуюся западную модель, и это никак не связано с пустой шумихой вокруг Болонской системы. Необходим «детальный анализ причин складывающейся в современных условиях обратного пропорциональной связи между уровнем креативности и уровнем бюрократизации» [17, с. 168] в образовании.

В концепции «правового реализма» упор делается на то, что право – это не только предсказуемость судебных решений, но и прежде всего предсказуемость взаимодействия человека и власти [11]. Например, поступая в аспирантуру, будущий ученый фактически заключает с обществом пожизненный контракт, при этом он должен быть уверен, что, приложив огромные усилия для общественно полезной деятельности, он сможет рассчитывать на ответную реакцию в виде гарантированного трудоустройства, адекватного заработка, возможности творческой реализации, а не прессингу руководителей-«менеджеров» и методистов всех мастей, и, главное, достигнув творческого расцвета, он не станет жертвой дискриминации по возрасту за то, что портит статистику вуза, не относясь больше к «молодым ученым». Если ответная положительная реакция общества непредсказуема, шансы на то, что молодой талант выберет профессию ученого, начинают стремиться к нулю, или стратегией становится получить навыки и покинуть страну, неспособную сформировать правовые институты, поддерживающие режим законности.

² Хазин М. Финишная прямая мирового кризиса или сколько стоит свобода // Хазин.ру. 2021. 6 янв. URL:

<https://khazin.ru/finishnaya-pyamaya-k-mirovomu-krizisu-ili-skolko-stoit-svoboda/> (дата обращения: 26.05.2024).

Право – это не только правоохранительная и судебная деятельность, но это защищенность гражданина на ежедневном бытовом уровне.

В Российской империи законодательство относило преподавателя к числу государственных служащих со всеми привилегиями, с этим связанными. «Излишне говорить о социальном статусе пореформенной профессуры (судебная реформа сопровождалась и реформой университетов – Устав от 18 июня 1863 г.), должность ординарного профессора по статусу и окладу соответствовала члену судебной палаты или прокурору окружного суда (чины 5 класса табелью о рангах приравнивались к армейскому бригадиру, т. е. ныне не существующему промежуточному званию между полковником и генерал-майором). Сравнение совсем не в пользу современности» [18, с. 85]. При этом ректором мог стать только один из «полных» (ординарных) профессоров вуза, который при назначении не переходил в статус чиновника, а по-прежнему оставался таким же преподавателем, и его оплата не увеличивалась в десятки раз: «За дополнительные обязанности полагались “прибавочные” выплаты: декану – 20 % денежного содержания, ректору – 50 %. В качестве морального стимула должность ректора давала повышение до чина 4 класса с предоставлением прав потомственного дворянства» [19, с. 146]. Результат – создание почти с нуля передовых научных школ и массовой системы качественного высшего образования в кратчайшие сроки начиная с 1860-х гг. В частности, судебной реформой 1864 г. была введена обязательность высшего юридического образования для судей, прокуроров и адвокатов. Для сравнения: «в 1925 г. в РСФСР высшее юридическое образование имели лишь 3,7 % народных судей... в 1951 г. из числа судей юридическое образование имели лишь 58 % (причем высшее юридическое – лишь 20 %)... к началу 1980-х гг. основная часть лиц, находившихся на должностях судей, уже имела юридическое образо-

вание» [20, с. 80–81] (см. также: [21, с. 132–135; 22, с. 159–167; 23; 24]).

Социальный престиж профессуры Российской империи еще более контрастно выглядит не на фоне привилегированных судебно-прокурорских чинов, а на фоне губернских властей. По табели о рангах ординарный профессор равнялся вице-губернатору и превосходил старших советников (чины 6-го класса), которые соотносимы с современными «региональными» министрами³. Для наглядности можно привести казус с известным ориенталистом XIX в. Д.А. Хвольсоном, уроженцем г. Вильны, получившим степень доктора в Лейпциге, – он был приглашен профессором в Петербургский университет на создававшийся Восточный факультет⁴, условием трудоустройства была смена веры из иудаизма в православие, что и произошло. Впоследствии Хвольсон был задан провокационный вопрос о том, искренне ли он верует. Последовал ответ: «Я решил, что лучше быть профессором в Петербурге, чем меламедом (еврейским домашним учителем. – Авт.) в Эйшишках»⁵. Благодаря беспрецедентным бюрократическим репрессиям в науке и образовании в постсоветской России институт профессуры разрушен настолько, что социально престижной стало быть меламедом, т. е. репетитором по сдаче ЕГЭ.

Недавно из Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁶ была удалена одиозная формулировка, относившая данную деятельность к сфере услуг⁷, по сути, приравнивавшая статус профессора к парикмахеру или официанту. Однако это не изменило уже сложившихся правовых режимов, где истинные работники вузов – это управленцы, методисты, уборщицы, а преподаватели – лишь приходящие лекторы на срочном контракте, чья ценность для организации сомнительна. Данный правовой режим является калькой с американского законодательства, где образовательная услуга – это ответственность менедж-

³ Высочайше утвержденные, 8 Июня 1865, временные штаты Губернских Правлений // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. 40: 1865. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. Прил.: Штаты и табели. С. 157–159. К [Док.] № 42180.

⁴ О сосредоточении преподавания Восточных языков при С.-Петербургском Университете: Именной, данный Сенату 22 окт. 1854 г. // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. 29: 1854. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1855. Отд-ние 1: От № 27828–28698. С. 875–876. [Док.] 28659.

⁵ Бердников Л. «Волнует эхо здесь звучавших слов...» Литературный салон Рашели Хин // Еврейская Старина. 2016. № 3 (90). URL: <https://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer3/Berdnikov1.php> (дата обращения: 26.05.2024).

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

⁷ Понятие «образовательная услуга» исключено из российского законодательства // Министерство просвещения Российской Федерации: офиц. сайт. 2022. 14 июля. URL: <https://edu.gov.ru/press/5483/ponyatie-obrazovatel'naya-usluga-isklyucheno-iz-rossiyskogo-zakonodatelstva/> (дата обращения: 26.05.2024).

мента организации, которому нет нужды заботиться об академических кадрах, поскольку за счет высокой зарплаты преподавателей в любой момент можно пригласить из любой страны, но к реалиям России это явно неприменимо. Возвращаясь к сравнению с Российской империей, надо признать, что там подобная управленческая ошибка тоже была допущена, хотя и в более мягкой форме. Устав университетов от 15 (27) августа 1884 г. расширил практику ведения занятий не штатными преподавателями, а приват-доцентами, не состоящими на государственной службе, как следствие – не только снижение качества преподавания, но и распространение экстремистских настроений в молодежной среде, которую революция стала привлекать больше, чем наука. Нарушение социального баланса общества – неизбежная угроза национальной безопасности, которую не стоит недооценивать. Подрыв авторитета учителя, преподавателя, профессора – это такое же разрушение традиционных ценностей, как и разрушение института семьи.

Юридический закон можно понимать как определенные формы нормативных актов, можно предложить расширенное толкование: нормативный акт, субъективный по природе, уравнивается объективным правом, выражающим потребность всего социума, тогда либертарная теория вводит понятие «неправового закона», т. е. закона по форме, но не по содержанию. Представляется, что обобщение можно вывести и на следующий уровень: государство и право не всемогущи, они взаимодействуют с другими социальными регуляторами – нормами морали, нормами религии, корпоративными нормами (этика) и пр. Например, идея нравственных начал в праве проходит красной нитью в трудах А.Ф. Кони [25; 26]. Всё вместе нормативное регулирование в комплексе стремится к достижению определенного равновесия (социального баланса). В этом смысле нельзя не согласиться с В.А. Шкуратовым: «Логика моральных наук не менее строга, чем экспериментальных. Она требует добиваться социальной всеобщности суждения» [27, с. 45].

5. Заключение. Социальная реальность и новая роль законов

«Аксиологические предпосылки и содержание мифического миропонимания проявляются в ценностно ориентированной деятельности, социокультурном становлении общества, социализации личности, включении человека в социальную реальность, ее конструировании и поддержании» [28, с. 12]. Миф здесь используется нами в значении способа воспри-

ятия реальности, характерного для человеческого мышления, без элемента отрицательной коннотации, внесенного картезианской «духовной революцией», в борьбе со схоластикой, низвергнувшей и дискредитировавшей миф до уровня банального заблуждения и невежества. Легко критиковать древний утративший актуальность миф, при этом не замечая, что сам находишься в системе окружающего тебя действующего мифотворчества. «Просвещение, противопоставив логос – мифу, разум – чувству и воображению, идеальное – материальному, знак – значению, разрушило их первоначальное единство и породило интенцию личности и культуры к целостности, которая постоянно актуализирует старые мифы и творит новые» [29, с. 29].

Максимально схематично систему любого мифа можно свести к трехэлементной структуре, которой она, разумеется, не исчерпывается, поскольку крайне важен не только элементный состав, но и система организации их взаимодействия – скрепы, обеспечивающие неразрывность, единство моделируемого континуума. Универсальную схему мифа мы обнаруживаем в бессмертном произведении А.Ф. Лосева «Диалектика мифа»: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история... В нашей формуле, собственно говоря, четыре члена: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово... [это] феноменолого-диалектическое раскрытие понятия мифа. Миф как развернутое магическое имя не может уже быть проанализирован дальше и сводим на какие-нибудь более первоначальные моменты» [30, с. 212–215]. Надо заметить, собственно миф – это триада: личность, история, чудо, а четвертый элемент – это скрепа, форма информационной трансформации мифа, его способность проникать в сознание слушателя.

Здесь наше рассуждение переводит нас в абсолютно практическую, политико-правовую плоскость. Социальный закон – это слепок с идеологической модели конкретного общества, это всегда миф, сконструированное по универсальным правилам мифа его конкретно-историческое всеобъемлющее воплощение.

Междисциплинарный подход к пониманию закона делает очевидным обращение к историко-культурным событиям к стремлению рассмотреть тему нашей работы хотя бы с трех позиций: права, философии, экономики. Авторы статьи убедились в конструктивной близости понятий: миф – нарратив, социальное реформирование – мифотворчество. Еще одним из аспектов в понимании сущности общественных законов оказывается то, что они способствуют оптими-

зации производства, распределения, утилизации ресурсов в обществе, и это сопровождается разнообразными коммуникативными практиками.

Очевидно, общество ожидает, самое малое, еще одну волну перемен, поэтому законы и их кон-

струирование с учетом современных коммуникативных практик становятся перспективным инструментом для прогнозирования разнообразных социальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ореховский П. А. Понятие закона в социальных науках и конструирование реальности: философия, экономика, право / П. А. Ореховский, В. И. Разумов, А. А. Сапунков // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24.
2. Ореховский П. А. Нарциссизм: вариации на тему (к итогам дискуссии) / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 2. – С. 401–415. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-401-41.
3. Ореховский П. А. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
4. Ореховский П. А. Скромное обаяние апартеида: оборотная сторона нарциссической культуры / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Siberian Socium. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 8–23. – DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.
5. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2001. – 752 с.
6. Нерсисянц В. С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма, 2005 – 656 с.
7. Шесть писем Г.Ф. Пухты к Ф.К. Савиньи / пер. с нем. Н. Е. Асламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 1. – С. 69–84.
8. Savigny F. C. von. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / F. C. von. Savigny. – Heidelberg : J.C.B. Mohr, 1840. – 198 S.
9. Горбань В. С. Философско-правовое наследие В. С. Нерсисянца / В. С. Горбань, В. С. Груздев // Право и политика. – 2022. – № 10. – С. 15–22. – DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.39090.
10. Сапунков А. А. Правовые реформы как ответ на глобальные социальные вызовы (уроки судебной реформы второй половины XIX века в России) / А. А. Сапунков, Н. А. Сапунков // Научные труды : ежегодник. – Омск : Сиб. гос. ун-т физ. культуры и спорта, 2014. – Вып. 19. – С. 188–195.
11. Лесив Б. В. Предсказуемость права и предсказание судебных решений в учении О. Холмса / Б. В. Лесив // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 43–66.
12. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. : в 6 т. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 4. ч. 1 / ред. и авт. вступ. ст. В. Ф. Асмус. – 1965. – С. 219–310.
13. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд ; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 542 с.
14. Наим М. Конец власти: от залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства, почему управлять сегодня нужно иначе / М. Наим ; пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. – М. : АСТ, 2016. – 507 с.
15. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / Д. Родрик ; пер. с англ. Н. Эдельмана. – М. : Изд. ин-та Гайдара, 2014. – 567 с.
16. Соловьев В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – 2-е изд. – СПб. : Просвещение, 1914. – XXXIX, 722 с. – (Собр. соч. : в 10 т.; Т. 8).
17. Донских О. А. РПД-логия и совершенствование образования в XXI в. / О. А. Донских, В. И. Разумов // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 168–174. – DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-20.
18. Сапунков А. А. Судебная реформа 1864 г.: невыученные уроки / А. А. Сапунков // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сб. науч. тр. – Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2021. – С. 75–90.

19. Малева Э. М. Опыт университетской реформы 1863 г. в системе антикоррупционного правообразования Российской империи / Э. М. Малева // Право и политика: история и современность : сб. материалов конф. – Омск : ОМА МВД РФ, 2022. – С. 145–146.
20. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование / Д. О. Серов // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 77–82.
21. Сапунков А. А. История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866–1917 гг.) / А. А. Сапунков. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 224 с.
22. Сапунков А. А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Сапунков. – Омск, 2018. – 297 с.
23. Серов Д. О. Правовой образовательный ценз и формирование корпорации юристов на государственной службе Российской империи / Д. О. Серов // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 123–138. – DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.20515.
24. Серов Д. О. Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень (из истории и предыстории судебной реформы 1864 г.) / Д. О. Серов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11 (48). – С. 2622–2629.
25. Малева Э. М. Кони А.Ф. о нравственных началах в праве / Э. М. Малева // Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления : коллектив. моногр. / сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. – СПб. : Астерион, 2021. – С. 259–264.
26. Малева Э. М. Нравственность в праве: историко-теоретический аспект / Э. М. Малева // Социально-правовые регуляторы общественных отношений и вызовы современности : материалы конф. – Иркутск : БГУ, 2021. – С. 57–63.
27. Шкуратов В. А. Фазы парадигмы (эскиз психолого-исторической эпистемологии). Ч. 2 / В. А. Шкуратов // Российский психологический журнал. – 2007. – Т. 4, № 3. – С. 35–48.
28. Оботурова Г. Н. Миф в структуре познания и деятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Г. Н. Оботурова. – М., 1999. – 40 с.
29. Амелеченко И. А. Миф как интенция к целостности / И. А. Амелеченко // Вестник Приазовского государственного технического университета. Серия: Технические науки. – 1997. – № 1. – С. 25–30.
30. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев ; сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троцкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.

REFERENCES

1. Orekhovsky P.A., Razumov V.I., Sapunkov A.A. The concept of law in the social sciences and the construction of reality: philosophy, economics, law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).15-24.
2. Orekhovsky P., Razumov V. Narcissism: variations on a theme (to the results of the discussion). *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2022, vol. 14, iss. 4, pt. 2, pp. 401–415. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-401-415. (In Russ.).
3. Orekhovsky P., Razumov V. The onset of narcissistic culture: consequences for education, science and politics. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102. (In Russ.).
4. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The discrete charm of apartheid: the reverse side of narcissistic culture. *Siberian Socium*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23. (In Russ.).
5. Alekseev S.S. *The ascent to the law. Searches and solutions*. Moscow, Norma Publ., 2001. 752 p. (In Russ.).
6. Nersesyants V.S. *Philosophy of law*, Textbook for universities. Moscow, Norma Publ., 2005. 656 p. (In Russ.).
7. Letters from G.F. Puchta to F.K. Savigny as a background source material on German philosophy of law in the 2nd quarter of the 19th century, transl. from German by N.E. Aslamov. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*, 2011, no. 1, pp. 69–84. (In Russ.).
8. Savigny F.C. von. *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*. Heidelberg, J.C.B. Mohr Publ., 1840. 198 p. (In German).
9. Gorban V.S., Gruzdev V.S. Philosophical and legal heritage of V.S. Nersesyants. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2022, no. 10, pp. 15–22. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.39090. (In Russ.).

10. Sapunkov A.A., Sapunkov N.A. Legal reforms as a response to global social challenges (lessons of judicial reform in the second half of the XIX century in Russia), in: *Nauchnye trudy*, Annual, iss. 19, Omsk, Siberian State University of Physical Culture and Sports Publ., 2014, pp. 188–195. (In Russ.).
11. Lesiv B.V. Legal predictability and prediction of judicial decisions in O.W. Holmes' theory of law. *Pravosudie = Justice*, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 43–66. (In Russ.).
12. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals, in: Kant I. *Works*, in 6 volumes, ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman, Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 4, pt. 1, pp. 219–310. (In Russ.).
13. Crevelde M. van. *The rise and decline of the state*, Transl. from English ed. by Yu. Kuznetsov, A. Makeev. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 542 p. (In Russ.).
14. Naim M. *The end of power*, Transl. from English by N. Mezin, Yu. Poleshchuk, A. Sagan. Moscow, AST Publ., 2016. 507 p. (In Russ.).
15. Rodrik D. *The globalization paradox*, Transl. from English by N. Edel'man. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 567 p. (In Russ.).
16. Solov'ev V.S. *Justification of good*, Collected works in 10 volumes; Vol. 8, 2nd ed. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1914. XXXIX + 722 p. (In Russ.).
17. Donskikh O.A., Razumov V.I. WPD-logy as a tool of the improvement of education in the 21st century. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 168–174. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-20. (In Russ.).
18. Sapunkov A.A. Judicial reform of 1864: unlearned lessons, in: *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya nauchnoi shkoly Khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya*, Collection of scientific works, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2021, pp. 75–90. (In Russ.).
19. Maleva E.M. The experience of the university reform of 1863 in the system of anti-corruption legal education of the Russian Empire, in: *Pravo i politika: istoriya i sovremennost'*, Collection of conference materials, Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022, pp. 145–146. (In Russ.).
20. Serov D.O. Russian judges and higher legal education: historical aspect. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, 2013, no. 10, pp. 77–82. (In Russ.).
21. Sapunkov A.A. *The history of the general courts of the Russian Empire: judicial chambers as a system-forming body (1866–1917)*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 224 p. (In Russ.).
22. Sapunkov A.A. *Judicial chambers in the judicial system of the Russian Empire: the second half of the XIX-early XX centuries*, Cand. Diss. Omsk, 2018. 297 p. (In Russ.).
23. Serov D.O. Legal educational qualification and the formation of a corporation of lawyers in the civil service of the Russian Empire. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: historical research*, 2016, no. 6, pp. 123–138. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.20515. (In Russ.).
24. Serov D.O. Prosecutorial investigative personnel of the Russian Empire in the 1850-1860s: educational level (from the history and prehistory of the judicial reform of 1864). *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2014, no. 11 (48), pp. 2622–2629. (In Russ.).
25. Maleva E.M. Koni A.F. on moral principles in law, in: Dorskaya A.A., Kosovskaya V.A., Alekseeva N.I. (eds.). *Krizisnye yavleniya v prave: teoriya, istoriya, puti preodoleniya*, Collective monograph, St. Petersburg, Asterion Publ., 2021, pp. 259–264. (In Russ.).
26. Maleva E.M. Morality in law: a historical and theoretical aspect, in: *Sotsial'no-pravovye regulatory obshchestvennykh otnoshenii i vyzovy sovremennosti*, Conference proceedings, Irkutsk, Baikal State University Publ., 2021, pp. 57–63. (In Russ.).
27. Shkuratov V.A. Phases of the paradigm (a draft of psychological and historical epistemology). Pt. 2. *Russian Psychological Journal*, 2007, vol. 4, no. 3, pp. 31–43. (In Russ.).
28. Oboturova G.N. *Myth in the structure of cognition and activity*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1999. 40 p. (In Russ.).
29. Amel'chenko I.A. Myth as an intention to integrity. *Visnik Priazovskogo derzhavnogo tekhnichnogo universitetu. Seriya: Tekhnichni nauki = Reporter of the Priazovskiy State Technical University. Section: Technical sciences*, 1997, no. 1, pp. 25–30. (In Russ.).
30. Losev A.F. *Dialectics of myth*, ed. by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitsky. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 558 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
SPIN-код РИНЦ: 8489-2102; AuthorID: 72288

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
SPIN-код РИНЦ: 6418-9748; AuthorID: 8985

Сапунков Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: Sapunkovy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9719-0899
SPIN-код РИНЦ: 3418-8415; AuthorID: 701672

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ореховский П.А. Понятие закона в социальных науках и конструирование реальности: философия, экономика, право (Часть 2) / П.А. Ореховский, В.И. Разумов, А.А. Сапунков // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).15-24.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pyotr A. Orekhovsky – Doctor of Economics, Professor; Chief Researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovskii pr., Moscow, 117218, Russia
E-mail: orekhovskypa@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2816-1298
RSCI SPIN-code: 8489-2102; AuthorID: 72288

Vladimir I. Razumov – Doctor of Philosophy, Professor; Professor, Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: RazumovVI@omsu.ru
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RSCI SPIN-code: 6418-9748; AuthorID: 8985

Andrey A. Sapunkov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: Sapunkovy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9719-0899
RSCI SPIN-code: 3418-8415; AuthorID: 701672

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Orekhovsky P.A., Razumov V.I., Sapunkov A.A. The concept of law in the social sciences and the construction of reality: philosophy, economics, law (Part 2). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).15-24. (In Russ.).